

Пролог 0

Невесть когда, невесть где.

Тишь да гладь... или нет?

...

— Я не понимаю только одного... Какого \$%^&* ты всё время лезешь на рожон?! Привлекаешь к себе лишнее внимание?! Чуть ли не кричишь: «Давайте! Поймайте меня! Арестуйте! Убейте! Это всё я!!» — Что за яростные потуги снять свою маску нормальности?!!

— Я...

— Я думала, что понимаю тебя, но выходит — совсем не понимаю! Ты понимаешь, тебя не понимаю даже я?!

— Ты утрируешь...

— Нет! В том-то и дело — не утрирую! Говорю, как есть! Но в этом вся проблема: лучше бы я просто утрировала!

— Теперь ты нагнетаешь...

— Я не нагнетаю! Хватит увиливать! Это ничего не поменяет!

— Я не увиливаю, но раз уж заговорили об этом: почему без примера? Увиливать как кто?

— Как никто!

— Эй, ты же знаешь, я люблю примеры. Увиливать, как змея... или, например, угорь...

— Увиливать, как тупой баран, тебя устроит?

— Плохой пример...

— Сделала всё, что могла.

— Раз всё, тогда ла-а-дно: будем считать — ответ засчитан...

— Мне повторить? Не пытайся увильнуть!

— Да что ты пристала со своим «увильнуть то, увильнуть сё»? Нет никакой «маски нормальности» и ничего я не пытаюсь снять: живу-поживаю, добра наживаю, — в чём собственно проблема?

— Нет никакой проблемы! Кроме той — где совершенно непонятно, что творится у тебя в голове!

— Эй, хватит меня разочаровывать такими словами: предвидеть действия других временами может и трудно, но вот удивляться им — бессмысленно: разве я сделал что-то, чего ты не способна осознать?

— Хватит вы%№:*, тебе не надоело?!

— Любишь же ты посквернословить, когда волнуешься обо мне. Это так приятно...

— Мне повторить?!

— Даже не понимаю в чём причина твоего возмущения... И вообще, посмотри какое красивое небо... Такое звёздное... Яркое... Зачем отвлекаться на всякую болтовню? К тому же меня ранили, причём...

— Только не сегодня! Нет! Ты не увильнёшь! Даже дети делают это менее очевидно! Никто тебя не ранил! И не вздыхай так!

Пролог

(От 1 лица)

— Нам приказано доставить его в наш департамент! — донеслось до меня.

Чем отличается Антимагический Департамент от полиции? Правильно, они очень шумные, причём даже тогда, когда шуметь — глупо и бессмысленно. Конечно, это не значит, что они не умеют быть тихими. Нет! Когда нужно — тиши воды, ниже травы. По крайней мере, потеряв

одним осенним днём с десятков человек из отряда захвата, кричать об этом во всеуслышание они не стали. Когда их закрытую зону разрушили, они тоже как-то помалкивали. Но вот когда дело касалось чего-то маленького и несущественного, их шуму не было границ. Собственно, почему бы и нет? Ведь дело имеет отношение к незначительному человеку, а не к последствию их тупости и некомпетентности.

Поэтому не было ничего удивительного, что даже за закрытой дверью с толстыми стенами, до меня отчётливо доносилось громкое тьяканье людей из этого департамента. Видимо, одним волком-одиночкой мой день не закончится (и не только день), хотя, в отличие от его появления, в появлении людей из АДа я не сомневался. Это было ожидаемо: как-никак я разрушил тренировочный зал академии и поставил кучку несносных преподавателей на место используя не какую-нибудь строительную шар-бабу, а прекрасное и могучее волшебство. Вот они и пожаловали.

Закончив свою громкую дискуссию с полицией, видимо, передав им все необходимые документы на «владение» мной, они вошли в комнату допроса. Это были три человека с эмблемой Огненного Цветка. Не церемонясь и ничего не говоря, они первым делом подошли ко мне. Подхватили с двух сторон. Подняли. Повели за собой.

Что за чудный день для такого «сироты» как я — у меня никогда не было столько внимания. Если задуматься, возможно, я слегка перестарался, устроив в академии то, что устроил? Хотя, учитывая, что ко мне заявился сам волк-одиночка с подозрениями-обвинениями, слово «возможно» здесь определённо излишне: я и вправду постарался на славу. Однако это был тот редкий случай, когда пусть всё и пошло по женской линии, но меня это ни капельки не огорчало, наоборот, я чувствовал себя прекрасно. Почему? Потому что всё к этому и шло с самого начала: начиная подозревающим слепцом Ганцом Йохансоном, заканчивая больным на одно место Реганом О'Лири и ищущим смерти волком-одиночкой. Верно, всё к этому шло! Просто я упорно не обращал внимание!

Да, понимание, что меня всё устраивает и что всё происходит так, как и должно быть, пришло не сразу: буквально на днях и какое-то время назад, я воспринимал происходящее как «расплату»! (Глупо воспринимал!) «Расплату» за то, что не канул в небытие ещё после решения всех вопросов с семьёй Йотсуба. Более того — критиковал собственные решения и искал им оправдание — занимался бессмысленными глупостями! Занимался точно кретин! Но главное, казалось, сомневался в самом себе! Сейчас же — настало время «прозреть»! Прозреть так же, как это часто бывает после длительного обдумывания непонятого вопроса, на смену которому приходит понимание, причём приходит оно неожиданно, вместе с хорошей «оплеухой».

Хорошая оплеуха, как нитка с иглой, способна соединить разрозненные мысли в единое полотно. Хорошая оплеуха — лучшее лекарство от закорюченного мозга, переставшего замечать альтернативные варианты и решения! А они, на минуточку, есть всегда! Вот такая оплеуха наконец-то добралась и до моих спекшихся извилин, благодаря чему стало проще анализировать происходящее, видеть общую картину, а главное — своё место в ней. Одним словом, всё стало куда прозрачнее, чем казалось на первый взгляд, будто вместе с этой оплеухой слетели и твои запотевшие очки, которые ты поленился или не додумался снять. А с ними — ушла и «пелена неведения», которую ты (я) напустил сам на себя и которую сам себе нафантазировал: то ли в поисках несуществующего спокойствия, то ли от самодовольной

глупости.

Больше не было никаких лягушек, застрявших в колодце! Больше не было никаких дельфинов, запертых в неволе! Одни — выпрыгнули, вторые — уплыли! А Караак... Караак — прозрел! Впредь никакие «голоса» не помешают ему принять однозначное решение во всех этих вопросах! Вопросах, связанных со всеми этими чертами, посмевающимися указывать ему, что делать, как жить и куда идти! Указывать ему! То есть — мне!

Они — все они! — кучка озверевших шавок, которые забыли что такое настоящие боль и страдания. А я — я! — в свою очередь думал и гадал как бы лучше сгладить углы?! Церемонился с ними точно кретин?! Стыд! Позор! Срам!

Стоит ли благодарить за это прозрение Шарлотту Валенштайн? Куратора? Адама? Или, быть может, волка-одиночку, который стал финальным штрихом во всей этой «истории»? Их всех?! Нет! Благодарить стоит только самого себя: незачем спихивать на кого попало свои собственные достижения. Достижения, сравнимые с открытием колеса и палки! Достижения, заслуживающие премии: «Гений, который остановился и осмотрелся». Верно, это обо мне! Ведь именно я был тем, кто остановился и осмотрелся! (Логично!) А сделав это, как и полагается (что тоже логично), я увидел перед собой новые дорожки, развилки и обходные пути. Пути, которые раньше игнорировал, которые раньше не замечал. Не замечал в потоке мысленного словоблудия, как какой-то!.. Но теперь, когда я обратил на них внимание, впереди меня точно должны были ждать ответы на все вопросы, решения всех проблем! Хотя бы потому, что все проблемы не важны, когда ты мёртв, ха-ха...

— Не толкайте меня, — сказал я.

— Не хрустальный! — ответил толкающий АДовец.

— Вот именно...

...ведь я и запомнить могу, пёс плешивый.

◇ ◇ ◇

В течение получаса меня доставили в главное отделение АДа. Это, конечно, не их закрытая зона, но марку тоже держат — чаю не предложат. А чуть погодя я уже сидел в одной из камер-допроса. От полицейских они отличались не сильно, разве что являлись более «защищёнными», но этим всё и ограничивалось. В остальном — стандартный набор: несколько камер наблюдения, датчики, реагирующие на выброс кварков и мелкие безделушки. Не

страшно: сбегать я всё равно не собираюсь. Не считая последних происшествий (которые, к слову, были идеально расписаны волком-одиночкой), моя легенда была безукоризненной. Да и эти «недавние происшествия» можно списать на юношеский максимализм. Хотя делать этого я не буду: настал час «истины» — пришло время сделать правильное решение из множества имеющихся решений, выросших предо мной как грибы после дождя. А раз так, то и списывать всё на юношеский максимализм или ещё на что-то — бессмысленно, даже глупо! Хватит топтаться на месте — хватит обороняться! К тому же, решение я уже принял. «Давно» принял — с того самого момента, как волк-одиночка удостоил меня своим визитом, «прямо заявив»: «Созданное тобой пламя успело задеть всех и каждого, стоило бы начать бояться!»

Однако он не знает одной важной детали: кому-кому, а мне-то точно нечего бояться! Особенно последствий своего собственного огня, а значит — ни сметать пепел, ни тушить его остатки я не буду! Пусть это делают другие: те, кому они мешают, те, кто их боится. Вам они мешают? Мне — нет! Даже наоборот! Я и так был слишком милосердным, не подбрасывая лишних дровишек в это пламя, дав шанс всем и каждому потушить слабый огонёк и решить все свои проблемы, причём не один раз, но нет же...

Раз так, теперь мне остаётся только одно: не просто поддерживать слабый огонь, а раздувать его! Усиливать, вливая всё новые и новые кварки! Вливать, будто бензин в горелку! Вливать искусно, нагло и цинично, прикрываясь облаком дыма точно мантией-невидимкой!

◇ ◇ ◇

В самом центре камеры-допроса стоял стол, за который меня и усадили. Никого не было — делать было нечего. Я опустил голову на локти и прикрыл глаза. Несмотря на всю плачевность ситуации (как могло показаться со стороны), я был полностью умиротворён: сражение в академии, намёки следователя — всё это оздоравливающе отразилось на моём психическом и физическом состояниях. Ничто не могло вывести меня из себя, по крайней мере, сейчас. Всё стало казаться до безобразия тривиальным. Зачем накручивать себя, когда кругом сплошная простота? Да и кому-кому, а мне — беззаботному Зверу — бессмысленно о чём-то переживать и кого-то бояться, разве нет?

Я стал вновь самим собой — старым добрым собой. Может, и больше.

Время от времени многих людей терзают внутренние переживания, трудные вопросы. Далеко не каждый готов поделиться ими: одни хотят, но сдерживаются и недоговаривают, другие — воспринимают это априори чем-то ненужным. И правильно делают, ведь вскоре, когда они «прозреют», то искренне удивятся: «Чем же я так сильно терзался?! Бессмысленными мелочами?!»

Поэтому, чем меньше посвящённых, тем спокойнее переваривать это удивление, а другой раз и

стыд. Вероятно, мне тоже стоило бы почувствовать стыд? Причём, лютей, учитывая, что даже несмотря на прожитые годы и жизненный опыт, это удивление способно окатить и меня?

Увы, правильный ответ: «Да, стоило бы почувствовать стыд!» — но от подобной участи самобичевания меня «спасли» умиротворение и хорошее настроение. Правда, уйти от правды не могли помочь даже они, поэтому оставалось глупо признать, что: во-первых, я свернул туда, куда, вероятно, не должен был сворачивать; во-вторых, сблизился с теми, с кем, вероятно, не должен был сближаться; в-третьих, занялся тем, чем, вероятно, не должен был заниматься, — хотя опыт, да, был интересный.

Главное вовремя образумиться и осознать, что ты делаешь что-то не то и идёшь куда-то не туда. Удобно, конечно, когда кто-то другой направляет тебя и предостерегает от всевозможных ошибок, но, во-первых, таких не существует: они и сами делают ошибки; во-вторых, познав самостоятельность — они тебе к чёрту не здались.

Шух.

Дверь камеры-допроса открылась (наконец-то открылась) — вошёл человек. Причём не абы кто, а «сам» Юрий Ежи — руководящее лицо.

Старик с острым носом и русыми волосами подошёл к столу и сел напротив. Посмотрел. Выжидающе сказал:

— Я уже обо всём знаю.

«Не может быть~» — промолчал я.

Юрий Ежи продолжил сверлить взглядом, ожидая ответной реакции. Сверлил. И сверлил.

— Ничего не хочешь сказать? — ему надоело играть в молчанку.

— Официальное образование — бюрократическая порнография, — подытожил я.

— ...

— И ещё одно, вы сказали, что всё знаете. Это не так. Например, вы не знаете, что я специально сблизился с Тсубой Эрикой, помните её?

— Она...

— Но и это не совсем так, — перебил я, — вы не знаете, что я не просто сблизился с ней, — я

следил за ней.

Юрий Ежи ничего не сказал, лишь насупился.

— А ещё, — продолжил я, — вы не знаете, что сделать это — мне приказал Ганц Йохансон.

— ...!

— И судя по вашему выражению лица — вы и вправду не знали...

— Хватит нести этот бред!

— О, видимо, и самого Ганца Йохансона вы знали очень плохо...

— Хватит!

— Не обижайтесь, я и сам плохо его знаю: что творится у него в голове — мрак... тьма, покрытая тайной... Но ничего удивительного в незнании нет: я лишь маленький исполнитель, а вот вы... Вам стоило бы смутиться; или хотя бы огорчиться: всегда были рядом...

— Хватит!

— Но нужно отдать должное, он так умело вас одурачил. Отдавал мне мелкие указания и сам же в чём-то подозревал...

— Я же сказал замолчать!

— Скажите спасибо, что вы первый, кому я это всё рассказываю. В полиции, между прочим, на меня сильно давили, но я и словом не обмолвился. Надеюсь, вы оцените этот жест доброй воли и не избавитесь от меня уже этим вечером.

— Но самое ужасное, — продолжил я, игнорируя судорожный взгляд, — вы даже не представляете, что задумал Ганц Йохансон...

— Что он задумал?!

— А? Я и сам не знаю.

— ТЫ!

— Я же сказал, я — всего лишь маленький исполнитель...

— Чёрт!

Юрий Ежи дёрнулся, резко встал и вышел.

Интерес и волнение — я не видел, но прекрасно ощущал (или представлял?), как они начинают расти. Растут в геометрической прогрессии. Сначала, заполняя АД. Затем, распространяясь наружу. И вскоре мои выдумки будут передаваться из уст в уста, от семьи к семье.

Я устрою такую «игру», что клан Морган покажется вам детской шалостью.

<http://tl.rulate.ru/book/25164/1056546>